

Институт экономики переходного периода

Научные труды N 31P

**Проблемы становления новой институциональной структуры в
переходных странах**

Москва

2001 г.

Институт экономики переходного периода

Основан в 1992 г.

**Учредитель: Академия народного хозяйства при
Правительстве РФ**

Директор : Е.Т.Гайдар

Редакционная коллегия: Н.Главатская, И.Устинова

Авторский коллектив: Глава 1 – О.Голант, С.Жаворонков В.Мау, ,

Глава 2 – С.Жаворонков, В.Мау, Д.Черный,
К.Яновский

Компьютерный дизайн: А.Астахов

Настоящий сборник подготовлен по материалам исследовательского проекта

*Института экономики переходного периода, выполненного в рамках гранта, предоставленного Агентством
международного развития США*

ISBN 5-93255-047-3

Лицензия на издательскую деятельность N ЛР 021018 от 09 ноября 1995 г.

103918, Москва, Газетный пер., 5

Тел.: (095) 229-6413, FAX (095) 203-8816

E-MAIL – root@iet.ru, **WEB Site** – <http://www.iet.ru>

Институт экономики переходного периода

С Институт экономики переходного периода

Оглавление.

Глава 1. Экономические и политические элиты

1. Введение.	С. 4.
1. Степень научной разработанности проблемы.	С. 10.
2. Пермская область.	С. 20
3. Орловская область.	С. 26.
4. Ростовская область.	С. 32.
5. Республика Коми.	С. 41.
6. Красноярский край.	С. 48
7. Заключение.	С. 71.
8. Библиография.	С. 73.

Глава 2. Результаты выборов, как показатель спроса на институты на примере голосований в течение первого послереволюционного десятилетия в странах с переходной экономикой и молодой демократией.	С. 83
---	-------

Степень научной разработанности проблемы.

Проблематика образования элиты (в современном ее звучании) впервые была сформулирована еще в XIX - начале XX в. итальянскими социологами Г. Моска² и В. Парето³.

Г. Моска полагал, что политика есть сфера борьбы двух противоположных классов: властвующего меньшинства (элиты) и подвластного большинства (массы, народа). Он определял элиту как "класс, который правит", или как класс людей, которые выполняют все политические функции и монополизируют власть, тогда как другой класс состоит из тех, кем управляют и кого контролируют. При этом используют способы более или менее легальные, более или менее произвольные и насильственные, но которые обеспечивают первому классу материальные возможности для существования, жизненно необходимые средства для функционирования политического организма.

В. Парето, в свою очередь, определял элиту как группу, состоящую из наиболее продуктивных или наиболее способных людей, имеющих наивысшие показатели в определенной сфере деятельности. Его теория о циркуляции элит гласила: любая элита со временем ухудшает свой состав, теряет мобильность, динамизм, первоначальные качества и постепенно, будучи замкнутой, вырождается. Социальное равновесие требует, чтобы в господствующую элиту постоянно вливались личности неэлитарного происхождения с "элитарными качествами", а личности с неэлитарными качествами устранялись. Но поскольку господствующие элиты охраняют свои привилегии и стараются передать их по наследству, то этого не происходит. Одновременно растет контрэлита, желающая вытеснить властвующую элиту, и занять ее место. Со временем, когда идет процесс деградации состава правящей элиты, а контрэлита приобретает широкие масштабы, то последняя при поддержке масс (или даже без нее) свергает власть и устанавливает свое господство. История воспринимается как смена социальных циклов. "Циркуляция элит" осуществляется с помощью насильственных методов, революций, которые, по мнению Парето, в целом полезны для общества.

Значительный вклад в теорию элит внес немецкий политолог Р. Михельс⁴. Исследуя социальные отношения, он пришел к выводу о невозможности прямой демократии, прямого господства масс. Для выражения интересов, принятия и реализации решений требуются

² Mosca G. The Ruling Class. – N.Y., 1939.

³ Pareto V. The Rise and the Fall of the Elites. An Application of the Theoretical Sociology. – N.Y., 1968.

⁴ Михельс Р. Социология политических партий // Диалог. 1990. №3; Михельс Р. Вожди и массы // Диалог. 1990. №3,5,7,9.

особые организации (партии, профсоюзы и т.п.). Функционирование же организаций протекает по особым законам. Развитие любого института связано с формированием иерархии и особого управленческого слоя. С течением времени этот слой монополизирует власть, отрывается от масс, превращаясь в олигархию, заботящуюся лишь о сохранении своего положения. Эту тенденцию Михельс назвал "железным законом олигархии", подчеркивая тем самым неизбежность формирования управленческого слоя со своими специфическими интересами в любой организации, в любом обществе.

Появление новой теоретической парадигмы в социальной мысли того времени было не столько реакцией на классический марксизм, сколько попыткой ранних исследователей элит показать несостоятельность идеи о демократическом обществе и утопического желания ученых отыскать рецепт стабильности общественных структур. Классической концепции исследователей элит, рассматривавшей процесс формирования элитарных структур сквозь призму психологической и технологической компоненты, оказалось не совсем достаточно. XX в. внес большой вклад в исследование проблем власти и ее носителя – элиты. В соответствии с различными элитаристскими теориями, *элита - социальная группа, занимающая центральные позиции в системе власти, обладающая правом принимать стратегические решения и контролировать их исполнение*⁵.

Несмотря на то, что термин «элита» легализован в российской социологии лишь недавно, в прежние годы существовало направление «критической элитологии». Наиболее разработанным оказался раздел, посвященный анализу буржуазных теорий. Основными постулатами теоретической линии стало декларирование социального равенства в социальном обществе и разоблачение сущности капиталистической элиты. Попытки по переосмыслению проблематики элиты были предприняты Г. Ашиным, Ф. Бурлацким, А. Галкиным, П. Гуревичем, Б. Люберацкой, А. Кокошиным и др.

В российской элитологии признана необходимость изучения элиты как важной социальной силы переходного периода общества. Первые работы российских ученых в этой области носили постановочный и во многом интуитивно-публицистический характер⁶. К ним относятся исследования «первой волны» таких авторов как В.Мохов⁷, М.Малютин⁸,

⁵ Большинство специалистов придерживаются данного определения. См.: Волков В. Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира//Полис. М., 1993, №2; Охотский Е. Политическая элита М., 1993; Пастухов В. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские»// Полит. Исследования, М., 1993, №2; Пастухов В. «Новые русские»: Появление идеологии// Политические исследования. М., 1993, №3.

⁶ Магомедов А. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издат. центр научных и учеб. программ», 2000.(«Научные доклады», вып.114). С.11

⁷ Мохов В. Политическая элита в СССР// Перспективы. 1991. №8.

⁸ Малютин М. «Новая» элита в новой России// Общественные науки и современность. 1992. №2.

А.Криндач и Р. Туровский⁹, В.Березовский и В.Червяков¹⁰. Одновременно происходило быстрое развитие источниковой базы, а начатый в рамках данного процесса исследовательский поиск позволил создать интересные работы. Труды О. Крыштановской¹¹, М. Афанасьева¹², Ю. Тарасова¹³, Д. Бадовского и А. Шутова¹⁴, А. Понеделкова и А. Огарева¹⁵, М. Фарукшина¹⁶ характеризуются заметно большей концептуальной зрелостью и значительным вовлечением эмпирических данных.

Осмысление процессов трансформации и характера нового политического режима через анализ состава элит и тенденций его изменения, практики внутриэлитных взаимодействий стало одним из основных направлений исследований после 1991 года.

На сегодняшний день большинство специалистов рассматривают под региональными элитами совокупность независимых друг от друга профессионально подготовленных лидерских групп. Эти группы ориентированы в отпращивании власти на интересы конкретных регионов, и пользуются в этих регионах определенным (с тенденцией к наибольшему) престижем, который в свою очередь соответствует объему институционального влияния и уровню активного участия во всех значимых процессах обществ.

Первые по времени возникновения и наиболее распространенные модели трансформации элит были связаны с анализом персонального состава политической элиты России по сравнению с советским периодом. Анализ изменений состава элит России, проведенный О. Крыштановской, свидетельствовал о том, что сменяемость политической элиты (прежде всего региональной и местной элиты) к концу 1994 года по сравнению с советским периодом оказалась невысокой. Хотя в целом произошли следующие изменения - омоложение правящего слоя, снижение в его составе доли выходцев из села, повышение образовательного уровня (вероятно, данные процессы имели бы место и при сохранении господства КПСС).¹⁷ На основании этого исследования О. Крыштановская сделала вывод о том, что в посткоммунистический период в России произошла трансформация прежней номенклатуры в новую элиту путем конвертации прежнего статуса в политическую и/ или экономическую власть в условиях нового режима. Такая трактовка трансформации элит

⁹ Криндач А., Туровский Р. Политическое развитие российской провинции// «Независимая газета. 1993. 11 июня.

¹⁰ Березовский В., Червяков С. Современная политическая элита России// Свободная мысль – М., 1993, №1.

¹¹ Крыштановская О. Наши миллионеры// Деловой мир. – М., 1992 – 22 января; Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту// Общественные науки и современность. 1995. №1.

¹² Афанасьев М. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит// Полис. 1994. №6.

¹³ Тарасов Ю. Правящая элита Якутии: штрихи к портрету// Полис. 1993. №3.

¹⁴ Бадовский Д., Шутов А. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия// Кентавр. 1996. №6.

¹⁵ Понеделков А., Огарев А. Лидер, элита, регион. Ростов-на-Дону, 1995.

¹⁶ Фарукшин М. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации// Полис. 1994. №6.

¹⁷ Гельман В. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России// Общественные науки и современность. 1997. №4. С.70.

восходила к интерпретации элит советского периода как «номенклатуры» в духе М. Джиласа¹⁸ и М. Восленского¹⁹.

С методологической точки зрения, как подчеркивает В. Гельман, наиболее уязвимым местом «номенклатурной» концепции является рассмотрение элит исключительно как «номенклатуры» (то есть списка имен в отрыве от анализа межэлитных взаимодействий), что не может дать удовлетворительного объяснения причин раскола и консолидации элит и изменения воздействия элит на характер политического режима.

Исследованию политических изменений в российских провинциях посвящена и статья профессора Кембриджского Университета Мэри Маколи,²⁰ ставшая первой и наиболее цитируемой на Западе работой по отечественным региональным политическим элитам. В книге, вышедшей в 1997 г., Маколи продолжает описывать современное политическое развитие регионов без использования каких-либо специальных теоретических рамок²¹. Заслуживает внимания и сборник докладов американских ученых под редакцией Теодора Фредгута и Джеффри Хана «Местная власть и постсоветская политика».²² Из этого сборника особый интерес представляет работа Джоэла Мозеса «Саратов и Волгоград, 1990-1992: История двух российских провинций».²³ В работе подробно описываются структура саратовской элиты и факторы, влиявшие на политическое развитие в регионе.

Осмыслению изменений в российской элитной структуре служит модель элитной трансформации, предложенная американскими учеными Майклом Бартоном, Ричардом Гантером и Джоном Хигли²⁴.

Авторы считают преодоление раскола элит важнейшим элементом упрочения новых демократических режимов. При этом они противопоставляют друг другу две формы консолидации: слияние элит, которое происходит в итоге длительного "эффекта накопления", приводящего к созданию "основанного на согласии союза элит", и сообщество элит, которые после непримиримой конфронтации "внезапно и сознательно реорганизуют свои интересы, договариваясь о компромиссах по основным расхождениям".

Наметившийся отход от жесткой борьбы без правил напоминает вторую форму. И потому социолог Иосиф Дискин, например, полагает, что демократизация в России пойдет

¹⁸ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.

¹⁹ Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

²⁰ McAuley M. Politics, Economics, and Elite Realignment in Russia: A Regional Perspective// Soviet Economy. 1992. №1.

²¹ McAuley M. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997.

²² Local Power and post-Soviet Politics. Ed. By T.Friedgut and J. Hahn. Armonk (N.Y.) – London, 1994.

²³ Moses J.C. Saratov and Volgograd, 1990-1992: A Tale of Two Russian Provinces/ Local Power and Post-Soviet Politics. Ed. By T.Friedgut and J.Hahn. P.96-137.

²⁴ Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes. In: Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge, Cambridge University Press, 1992.

по пути освоения соответствующих политических норм сближающимися элитами²⁵. Когда "элиты "по Хигли"" станут "элитами "по Парето и Моска"", демократический процесс станет необратимым, пишет он. Такой вариант, действительно, не исключен (хотя вряд ли будет быстрым). Однако сближение элит само по себе еще не ведет к демократии. Напротив, почвой для этого может стать стремление если не восстановить автократию, то, по крайней мере, ограничить плюрализм.

Работы зарубежных авторов выгодно отличает умелая постановка исследовательских задач, широкое вовлечение количественных показателей, библиографических данных и многовариантных статистических анализов. Однако при всей эмпирической корректности, некоторые из них не дают адекватной картины российской политики. Наиболее полно обзор западной литературы по проблематике посткоммунистического развития российских регионов дан в обзорах Г. Вайнштейна²⁶ и В. Гельмана.²⁷

В отдельную группу выделяются работы политологов, посвященные анализу личных характеристик представителей региональных элит. В них изучаются биографические данные, представлен количественный анализ рекрутирования элит, рассматриваются пути карьеры провинциальных политиков. Приоритетная роль здесь принадлежит О.Крыштановской, С. Уайту, М. Тарасову, М. Фарукшину, Дж. Хьюзу. В их работах дан анализ конкретных механизмов генезиса элитных группировок, рассмотрение преемственности и изменений в процессе циркуляции правящих групп в переходном контексте.²⁸ Так, например, М. Фарукшин считает, что укреплению позиций местных элит во многом способствовали экономический, социальный и духовный кризис российского общества; ставшая одно время очевидной неспособность центра своевременно решать надвигавшиеся проблемы, недовольство значительной части населения своим материальным положением, вина за которые возлагалась, как правило, на федеральные власти. В этих условиях местные элиты дистанцируются от центра и стремятся показать себя способными решать насущные проблемы жизни населения территорий, создать себе имидж единственных защитников его интересов.²⁹

Исключительное внимание биографиям глав Самары таким, как О. Сысуев, Г. Лиманский уделяет и Г. Алексушин³⁰.

²⁵ Дискин И. Россия: трансформация и элиты. М., "ЭЛТРА", 1995.

²⁶ Вайнштейн Г. Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии//МЭиМО. 1997. №8.

²⁷ Гельман В. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России// Общественные науки и современность. 1997. №4.

²⁸ Kryshтанovskaya O., White S. From Soviet Nomenclatura to Russian Elite// Europe-Asia Studies. 1996. №5; Hughes J. Sub-National Elites and Post-Communist Transformation in Russia: A Reply to Kryshтанovskaya and White// Europe-Asia Studies. 1997. №6.

²⁹ Фарукшин М. Политическая элита Татарстана: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. №6. С.67.

³⁰ Алексушин Г. Во главе Самары. Самара, 1999.

Вопрос о генезисе элит наиболее хорошо изучен в российской научной литературе. Важной составляющей процесса генезиса элит является характер межэлитных связей, внутренней мобильности и дифференциации различных властвующих групп. Среди работ, в которых получила освещение проблематика образования элиты, следует выделить публикации Л. Бабаевой, С. Борисова,³¹ А. Быстровой, Р. Галлямова,³² В. Гельмана,³³ А. Дуки³⁴, И.В. Куколева, Н. Лапиной, А. Чириковой. В этих работах политическое развитие России и ее регионов рассматривается в свете дискуссии о перспективах формирования «сообщества элит» в направлении преодоления раскола между его членами. Большинство авторов считают проблематичным возможность постепенного перехода к демократии через консолидацию различных сегментов региональных элит и освоение ими внешне демократических форм отправления власти.

Наиболее близко к рассмотренному подходу стоит группа публикаций, анализирующих избирательные процессы и борьбу за власть в регионах в рамках новых демократических институтов. Это работы О. Григорьева и М. Малютина,³⁵ Н. Петрова.³⁶ Данные исследования позволяют увидеть процессы складывания протодемократических организаций в регионах и характер связи межэлитных взаимодействий с институциональной структурой.

Региональный аспект исследования элитных структур представлен в работах С. Барзилова и А. Чернышова (элита Самары), А. Магомедова (Поволжская элита), Ю. Тарасова (Якутская элита), В. Шубкина (элита Сибири). Особенно интересен подход к изучению элит А. Магомедова, суть которого состоит в рассмотрении правящих групп через призму их генетической миссии – лидерства, на основе сравнительного кросс-регионального (внутринационального) анализа (такого рода сравнительное исследование российской политики, как правило, остается на периферии внимания западных и российских специалистов). Элита любого общества – естественный генератор идей, она же – передатчик заимствованных идей, она же – главный субъект политики.³⁷ К сожалению, автором не была

³¹ Борисов С. Актуальный политический режим в Нижегородской области: становление в 90-е годы// Полис. 1999. №1.

³² Галлямов Р. Политические элиты российских республик: Особенности трансформации в постсоветский период// Полис. 1998. №2.

³³ Гельман В. Региональные режимы: завершение трансформации?// Свободная мысль. 1996. №9; Шахматные партии российской элиты// Pro et Contra. 1996. Т.1. №1; Как выйти из неопределенности?// Pro et Contra. 1998. Т.3. №3.

³⁴ Дука А. Трансформация местных элит (институционализация общественных движений: от протеста к участию)// Мир России. 1995. Т.4. №2; Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты: типология противоборства// Северная Пальмира. 1997. №9.

³⁵ Григорьев О., Малютин М. Региональная ситуация в России после декабрьских выборов: анализ новых тенденций и политических итогов местных выборов весной 1994 г. М.: Фонд «Дискуссионное пространство», 1995.

³⁶ Петров Н. Выборы представительных органов власти регионов// МЭиМО. 1995. №3; Отношения «центр-регионы» и перспективы территориально-государственного переустройства страны// Регионы России в 1998 году/Н.Петров. М.: Гендальф, 1999.

³⁷ Магомедов А. Указ. соч. С.31.

включена региональная бизнес-элита, без которой невозможно полное изучение данной проблематики.

Анализу взаимоотношений внутри элитных групп и между элитами и другими слоями регионального сообщества в рамках клиентелистских подходов посвящены работы М. Афанасьева³⁸ и И. Куколева³⁹. До них работ, специально посвященных клиентарным отношениям, в отечественной литературе по социальным наукам не было, не говоря уже об обобщающем исследовании, концептуализирующем многообразие их исторических форм и социальных ролей.⁴⁰ С распадом КПСС «номенклатурный квазикорпоративизм» оказывается единственной моделью политического структурирования общества, воспроизводимый в виде персональных клиентел (к ним М. Афанасьев относит и личные «команды» отдельных лидеров, и большинство политических партий России), и клиентелизированных институтов (органов власти, предприятий и т.д.). И. Куколев, обозначивший эти группировки как политико-финансовые группы включает в их состав как персональные клиентелы - "команды", связанные патронажно-клиентельными связями с политическими лидерами, так и финансово-экономические структуры, и отмечает их главную характеристику – неформальное взаимодействие для борьбы за право распоряжаться или контролировать ресурсы.⁴¹ В рамках клиентелистской модели подчеркивается, что клиентелы способны осуществлять монопольное господство лишь в условиях регионов с моноэкономикой либо высокомонополизированных отраслей (например, газовой)⁴², либо в республиках с высокой долей нерусского населения, где легитимизация их господства отчасти носит традиционный характер.⁴³ В других случаях образуются две политико-финансовые группировки, из которых одна (на региональном уровне связанная обычно с губернатором) находится у власти, а другая – в оппозиции (по выражению Н. Петрова – «партия власти» и «партия рвущихся к власти»)⁴⁴. Более того, характер межэлитных взаимодействий не связан с институциональной структурой: например, после роспуска Советов осенью 1993 года конфликт «ветвей власти» в регионах продолжался уже внутри «исполнительной вертикали», следствием чего становились конфликты между губернаторами и мэрами областных центров.⁴⁵ В западной

³⁸ Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М., 1997.

³⁹ Куколев И. Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается// Власть, 1996, №1.

⁴⁰ Афанасьев М. Указ. соч. С.7.

⁴¹ Гельман В. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1996) // Общественные науки и современность. 1997. №4. С.71.

⁴² Паппэ Я. Какая Россия нужна отечественному ТЭК // Сегодня. 1995. 15 августа.

⁴³ Бадковский Д. Трансформация политической элиты в России – от «Организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. №6.

⁴⁴ Петров Н. Выборы в представительные органы власти // МэиМО. 1995. №3,4.

⁴⁵ Гельман В. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1996) // Общественные науки и современность. 1997. №4. С.71.